

«И ПАЛЬЦЫ ПРОСЯТСЯ К ПЕРУ, ПЕРО К БУМАГЕ...»

© 1994 г., ЭО, № 2

ВИКТОР КОЗЛОВ*

(ИЗБРАННОЕ)

Так началась война...

Тот воскресный солнечный день
в родном подмосковном городе
начался для меня обычно:
я принес воды, наколот дров,
а потом уселся с приятелем
сыграть пару партий в шахматы.
Больших забот у нас не было —
снабжение стало улучшаться,
японцев и финнов мы одолели,
границы отодвинули на запад.
Правда, в Европе буйствовал Гитлер,
но у нас был договор о дружбе,
скрепленный великим Сталиным.
А неделю назад ТАСС заявило,
что слухи о нападении на нас немцев
являются «лживыми и провокационными».
Да мы их и не очень боялись,
напевая слова из песни
о разгроме любого врага
«малой кровью, могучим ударом».

Нам и в голову не приходило,
что война уже давно началась,
что наши умирают и отступают...
В чистом небе светило солнце,
а радиостанция имени Коминтерна
сообщала об успехах стахановцев,
о пионерских делах и забавах.
Как вдруг, уже около полудня
диктор прервал эти передачи,
и Молотов, волнуясь и запинаясь,
сообщил о нападении Германии...
На фронте я повидал всякое
и, кажется, стал более смелым,

* Стихи я начал писать главным образом после войны, но относился к ним серьезно и сочинял их редко, обычно лишь когда оказывался в плену эмоций и раздумий, в частности в экспедициях и командировках, когда не так давил плановый листаж и можно было хоть немного абстрагироваться от написанного другими. Со временем стали все больше привлекать «философические» темы, которые излагать в стихотворной форме было труднее, но вместе с тем и полезнее для самого себя, даже при использовании «белого» стиха. Представленные стихи являются выборкой лишь из некоторых лирических циклов, которые можно назвать «военным», «экспедиционным» и «околонаучным».

но, думая о том, что страшнее,
я представлял себе брестского комсомольца,
видящего, как немецкие мотоколонны,
обходя горящую Брестскую крепость,
восьмой час движутся на восток,
и слышащего по радиоприемнику
на волнах станции Коминтерна
веселые пионерские песни...

Дорогами войны

«...Где вы, ребята с двадцатого,
Мальчики с двадцать четвертого?»

Н. Панченко

Их так мало осталось, моих одногодков —
Тех, кто в горькие месяцы сорок второго
Оглянулись на юность со вздохом коротким
И шагнули в войну от родного порога.

Петушками, скорлупки недавно проклюнувшими,
Шли военной судьбою, пощады не знавшей,
Восемнадцатилетние мальчики-юноши
Из разряда «живущие» — в рубрику «павшие».

Отделенно, повзводно и в маршевых ротах
Шли и таяли дымом от маршальской трубки
В тех Синявинских, проклятых богом болотах,
В Сталинградской внутригородской мясорубке.

И потом, как положено, жизнь не жалея,
Навсегда разлюбив все военные игры,
Становились на смерть в белгородских траншеях,
Сквозь которые перли «пантеры» и «тигры».

Ну а тем, кто осилил в лихую годину
Раскаленную сталь рейнметаллов и крупнов,
Предстояло, взрослея, идти до Берлина,
На пути оставляя все новые трупы...

Если мы не остались на страшных дорогах,
Что усеяны сталью и кровью политы,
То, признаюсь, здесь нашей заслуги немного —
Это просто случайность военного быта.

Это просто судьба нам дала предписание
Поработать и выбыть с другого вокзала,
Провожаящим нашим оставив желанье,
Чтобы юность потомков война не ломала.

Но когда я обижен обидой большою —
Той, что требует дел и не терпит обмана,
Я стремлюсь — пусть не телом, а только душою,
К тем военным дорогам — в пыли и туманах.

К тем моим одногодкам, безусым солдатам,
Кто, других прикрывая, на дальней дороге,
Стиснув зубы и чувствуя дрожь автомата,
Бой держал, ожидая какой-то подмоги.

Мне с годами трудней ожидать подкрепленья.
Ничего... И, хоть жизнь еще не надоела,
Я готов, как тогда. Как мое поколение, —
Глядя смерти в глаза и за правое дело!

В экспедиции и разлуке

Я брожу по глухим селениям,
Как Агасфер, без покаяния,
Отмечая, что чувство времени
Изменяется с расстоянием.

Раньше время текло размеренно,
Повторяясь в повторениях.
Все казалось очень проверенным,
Неизменным со дня творения.

А теперь я живу вне времени
И не чувствую огорчения:
Все, что душу тянуло бременем,
Потеряло свое значение.

Словно я на другой планете и —
Все земное мне — дальний свет из тьмы.
Я не помню, когда мы встретились,
И не знаю, когда простились мы.

Был ли я осенен любви крылом,
И страдал, и горел в золотом огне,
Иль, быть может, этого не было,
И сейчас все это лишь снится мне?

...Мне немного тоскливо в чужих краях.
Вот и всё. Ну, а что непонятно Вам?
Если Вас позабыть не в силах я,
То в разлуке мало приятного.

Письмо

Я не распечатаю твой конверт —
Разве скажешь смерти: «Явись и бей!».
Нестерпимо долго я ждал ответ
На мое последнее письмо к тебе.

Я метался ночью, томился днем,
Я надежду и горе смешал в груди,
Холодел как лёд, пламенел огнем,
И огонь опять погребал средь льдин.

Если эта мука любви полна,
Если в сердце властно царит мечта,
Я до самой смерти не должен знать —
Был ли прав я, любя и страдая так!

Я не распечатаю твой конверт —
Слишком много он значит в моей судьбе.
Я не в силах прочесть роковое «нет»,
как не в силах смерти сказать: «Убей!».

Физика и лирика

«Быть может, эти электроны —
миры, где пять материков...»

В. Брюсов

С орбиты маленького электрона
весь мир — скопление странных облаков —
густых и редких, а внутри их
кружатся и роятся миллиарды
таких, как он, частиц элементарных.
Пореже облако зовется «газ»,
погуще — «жидкость», ну а те,
что не меняют прежних очертаний,
«телами» названы. А есть такие,
что движутся, но форму сохраняют:
то — существа живые. И среди них
есть некие активные созданыя,
что называются «людьми». Движеньем
разнообразных облаков-туманов
они способны управлять, но сами,
свой облик постепенно изменяя
иль изменяя быстро — от внедренья
каких-то посторонних облачков,
движенья прекращают. А потом —
бесследно исчезают, переходя
в их окружающие облака туманов...
Все это — очень странно. Оттого
мне до сих пор по сути непонятно,
каким таинственным путем я сам
возник на время в электронном мире,
и радуюсь, что существую в нем,
чтоб мыслить и страдать. И я не знаю,
каким же случаем я близок стал
к другому облаку, которое зовется
тобой? И почему меня влечет к тебе,
и счастлив я, слагая строки эти?
Мне говорят — движенья электронов
подчинены законам тяготенья
или — влиянью квантовых полей,
а потому и все поступки наши
есть лишь случайность в вихрях мирозданья.
Но, может, это Зевс своим дыханьем
приблизил наши облака друг к другу
И вот теперь следит за нами
с улыбкой мудрой...

Души мироздания

Накаты волн морских, кипенье водопада
Иль языки огня, взлетающие в небо, —
Чем маните вы нас, и что от вас нам надо,
И можно ли без вас, как, например, без хлеба?

И почему — нельзя? Зачем, в заморозеньи,
Откинув от себя заботы и тревоги,
Следим игру стихий, как будто в их движеньи
Следим за жизнью душ, невидимых, как боги?

В струях, в огнях — им нет числа и меры, —
Все души — с обликом или еще без лика,
От тьмы подземных недр и до небесной сферы —
Близки, как атомы одной Души великой.

Но в этом сонме душ — людские — все ж отличны
Отчасти, может, тем, что более ранимы,
Отчасти тем, что, представляя «личность»,
В своих скорлупках от других хранимы.

Для тела есть различные лекарства,
А раны на душе — другой душой лишь лечишь!
И люди тянутся к стихиям без коварства,
Душа к душе стремится в новой встрече.

Скорлупки разломив и свой престиж нарушив, —
Что с возрастом трудней и, кажется, нельзя нам, —
Мы открываем им израненные души,
Как будто для целительных бальзамов.

О, этот странный мир, где многое — напрасно,
Где души и тела — в блужданьях и исканьях,
Ответ душою радуги прекрасной
На зов моей души — частицы мироздания!

Наши жизни

Неправда, будто бы у человека
жизнь только лишь одна. Я полагаю,
что даже у животных — жизнью две —
до наступленья зрелости и после.
У человека же их больше. Ведь с годами
меняются все клетки тела. Даже мозг,
определяющий все наше восприятие,
становится совсем иным, чем раньше.
Мы чувствуем и мыслим по-другому,
другие совершаем мы поступки,
и взрослым их родное детство странно,
как странна жизнь другого человека.
Воспоминанья о далеком детстве
нередко брезжат в памяти как кадры
просмотренного фильма про детей.
Среди прошедших жизней есть такие,
что гоним мы из памяти своей,
как страшный сон. Так гнал когда-то
я прожитую жизнь военных лет

со всей ее жестокостью и грязью,
с подавленным предчувствием конца
и сладковатым запахом от трупов,
лежащих рядом. Но я был бессилён:
в той жизни были славные дела
и не ушла она навек в забвенье.
Есть жизни, что текут спокойно
и серовато. А бывает так,
что жизнь предстанет яркими часами,
которые мы удержать не в силах,
хоть и пытаемся. И новая влюбленность
становится какой-то новой жизнью,
почти ничем не связанной с другими.
Различны люди в этих ощущениях,
различно и количество их жизней;
и для кого-то выезд за рубеж
или на месяц в южный санаторий,
ломающие монотонность быта,
есть маленькие жизни. И хотя
мне выпало прожить немало жизней,
чему я рад, но, ощущая
блаженную усталость чувств моих,
мне жаль того, что так и не свершилось,
и злюсь на то, что старости приход
начнет стирать из памяти моей
все прожитые жизни и готовить
меня к какому-то существованью,
основанному лишь на инстинкте жизни.
Ах, если бы смерть приходила к нам,
как сон к набегавшимся за день детям,
которым наши думы непонятны
и у которых жизни впереди!

Экологический вальс

Крутится, вертится шар голубой,
Связанный осью с Полярной звездой
В темном пространстве меж прочих планет,
Где никого, к сожалению, нет.

Лишь на зеленых просторах Земли
Люди возникнуть когда-то смогли,
Но, подыспортив свое бытие,
«Грешной Землею» назвали ее.

Крутится шарик, а люди живут —
Любят, враждуют, грустят и поют —
И, проведя на Земле свои дни,
В землю навеки уходят они.

В пестром соцветьи народов и рас,
Может, не каждому жизнь удалась,
Но, получив ее тонкую нить,
Как не беречь ее и не хранить!

Очень уж много идей и путей
К смерти веди и приводят людей,
Так что в достигнутый атомный век
Может себя истребить человек.

Чем отвратить нам безумство конца,
Силой какою наполнить сердца?...
Не отыскать нам надежней слуги —
Ты, экология, нам помоги!

Нам помоги получить от среды
Вкусной еды и прозрачной воды,
И научи, как без стрессов прожить
Нашу такую короткую жизнь.

Дай нам насытиться жизнью земной,
Дай сохранить в ней и мир и покой,
Чтобы потомки веселой гурьбой
Пели, как крутится шар голубой!